

Ги Дебор

Ситуационисты
и новые формы
действия в политике
и искусстве

Статьи
и декларации
1952–1985

ГИЛЕЯ

Ги Дебор

**Ситуационисты и новые формы
действия в политике и искусстве.
Статьи и декларации 1952–1985**

«Гилея»

1952–1985

Дебор Г.

Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве.
Статьи и декларации 1952–1985 / Г. Дебор — «Гилея», 1952–
1985

ISBN 978-5-87987-116-6

Впервые на русском языке публикуются декларации и статьи автора "Общества спектакля" философа, революционного деятеля, кинорежиссёра Ги Дебора (1931–1994). Материалы охватывают практически весь период его творчества: время Леттристского интернационала (публикации в "Internationale lettriste", "Potlatch" и др.), время Ситуационистского интернационала ("Internationale situationniste" и др.) и последние годы. Тексты сопровождаются подробными комментариями.

ISBN 978-5-87987-116-6

© Дебор Г., 1952–1985

© Гилея, 1952–1985

Содержание

От составителя	6
Статьи и декларации 1952–1985	7
Конференция в Обервилье	7
Манифест	8
Необходимо возобновить войну в Испании	9
Покончить с нигилистским комфортом	10
Ответы Леттристского интернационала на два вопроса бельгийской сюрреалистической группы	11
Вода всех морей не смогла бы...	13
Заставим их проглотить свою жвачку	14
Упражнение в психогеографии	15
Вон за дверь	16
Минимум жизни	17
Корни небоскрёба	18
«...новая идея в Европе»	19
Итог 1954 года	20
Четвертьфинал	21
Архитектура и игра	22
Почему леттризм?	24
Введение в критику городской географии	30
Методика détournement	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ги Дебор
Ситуационисты и новые формы
действия в политике и искусстве:
Статьи и декларации 1952–1985

Составление, комментарии и примечания: Степан Михайленко

Перевод с французского: Степан Михайленко и Тимофей Петухов

© Guy Debord, наследники, 2018

Русский перевод разрешён к свободному воспроизведению

От составителя

В книгу вошли тексты французского учёного, революционного деятеля и кинорежиссёра Ги Дебора (1931–1994), посвящённые социально-политической проблематике. Она является логическим продолжением выпущенного издательством «Гилея» в 2015 г. обширного сборника, вобравшего в себя его киносценарии, а также теоретические и критические работы, посвящённые кинематографу. Эти два издания (совместно с *magnum opus* Дебора – книгой «Общество спектакля» и авторскими комментариями к ней) создают достаточно цельную картину творчества, философской мысли и общественной деятельности – Дебора.

Для книги были отобраны наиболее значимые исторически и наиболее интересные с нашей точки зрения тексты из всего периода творчества Дебора – от самых ранних до самых поздних. Бóльшая часть из них была издана в бюллетенях “Internationale lettriste” и “Potlatch”, в журналах “Les Lèvres nues”, “Internationale Situationniste” и “Encyclopédie des Nuisances”; часть была посмертно опубликована в собрании сочинений “Œuvres” (2006).

Название сборника, выбранное нами по заглавию одной из статей, – «Ситуационисты и новые формы действия в политике и искусстве» – достаточно точно и полно описывает тематику вошедших в него материалов. В нём в хронологическом порядке расположены политические воззвания и открытые письма, тексты о психогеографии и революционном преобразовании городской среды, статьи о принципах нового общества и новой культуры, материалы, посвящённые критике буржуазного общества и буржуазной культуры, основополагающие документы леттристского и ситуационистского движений, прокламации мая 1968-го – всё то, что устанавливало теоретические основы этих новых действий и фиксировало их практику.

Отдельные тексты уже публиковались на русском ранее, будучи известны с десятков лет (а то и больше), и *именно поэтому* мы считаем необходимым перевести и издать их повторно. Ситуация с предыдущими опытами перевода социально-политических работ Дебора отлично демонстрируется тем фактом, что в общественном сознании возникла совершенно превратная мысль о крайне запутанном и сложном для понимания языке автора¹. Хочется верить, что нам удастся переломить эту тенденцию.

Отобранные нами для перевода и публикации работы, как правило, не носят исключительно архивный, исторический характер, они актуальны в той же мере, в которой капиталистический спектакль современной России соответствует капиталистическому спектаклю Франции пятидесятилетней давности (в строгом смысле – несоизмеримо больше, чем ему соответствовал спектакль брежневского квазисоциализма). В процессе их чтения сложно отделаться от ощущения, что тексты «Большая планета» или «О пожаре в Сен-Лоран-дю-Пон» написаны здесь и сейчас о Волоколамске и Кемерово. Дебор называл «интегрированной» возникшую в конце 1980-х гг. и затем распространившуюся по всему миру форму спектакля, соединявшую в себе сильные места прежних «социалистической» сосредоточенной и капиталистической рассредоточенной форм спектакля, – хотя в терминах нашего времени её было бы корректно назвать *гибридной*. Это *наш* современный спектакль, без нашего мая 68-го (и пока что даже без *малейшего намёка* на его возможность).

Степан Михайленко

Статьи и декларации 1952–1985

Конференция в Обервилье

1. Принятие принципа большинства. В случае если большинства достигнуть невозможно, следует возобновить дискуссию на новых основаниях, которые могли бы привести к формированию большинства.

Принцип использования имён большинством.

2. Овладение критикой искусства и конкретных достижений в нём.

То, что предстоит совершить, заключается в преодолении искусства.

3. Запрет всякому члену Леттристского интернационала защищать регрессивную мораль, точные критерии которой предстоит разработать.

4. Предельная осмотрительность в презентациях личных произведений, которые могли бы затронуть ЛИ.

– Исключение *ipso facto*¹ за любое участие в деятельности группировки Изу², даже если это было совершено из соображений защиты ЛИ.

– Исключение любого, опубликовавшего под своим именем коммерческое произведение.

В качестве окончательного расчёта³.

Обервилье, 7 декабря 1952

Жан-Луи Бро⁴, Серж Берна⁵, Ги-Эрнест Дебор, Жиль Ж. Вольман⁶

Манифест

Леттристская провокация – способ времяпрепровождения. Ни в чём ином революционная мысль не присутствует. За неимением ничего лучшего мы продолжаем наши скандалы в тесном мирке мёртвой литературы. Естественно, для того чтобы заявить о себе, мы пишем манифесты. Бесцеремонность – прекрасная вещь. Наши желания были обманчивы и обречены на гибель. Неизменная молодёжь, как говорится. Недели проходят подобно прямой линии. Наши встречи бессистемны и наши ненадёжные связи затеряются за хрупкой защитой слов. Земля крутится как ни в чём не бывало. Короче, условия человеческого существования нам не нравятся. Мы распрощались с Изу, который верил в необходимость оставлять следы. Всё, что служит консервации, помогает работе полиции. Поскольку мы знаем, что все существующие идеи и поведенческие модели несостоятельны. Современное общество делится на леттристов и на полицейских стукачей, среди которых самый известный – Андре Бретон. Нет нигилистов, есть лишь импотенты. Нам запрещено почти всё. Раствление несовершеннолетних и употребление наркотиков преследуются по закону, как и в целом все наши действия по преодолению пустоты. Многие из наших товарищей сидят за воровство. Мы восстаём против наказаний, наложенных на людей, осознавших, что работать совершенно необязательно. Мы отвергаем диалог. Человеческие отношения должны быть основаны на страсти, если не на терроре¹.

Сара Абуаф², Серж Берна, П.-Ж. Берле³, Жан-Л. Бро, Либе⁴, Миду Даху⁵, Ги-Эрнест Дебор, Линда⁶, Франсуаза Лежар⁷, Жан-Мишель Менсьон⁸, Элиана Папай⁹, Жиль Ж. Вольман

Необходимо возобновить войну в Испании

Вот уже пятнадцать лет Франко цепляется за власть, отравляя ту часть нашего будущего, которой мы позволили себе лишиться вместе с Испанией. Церкви, которые наши друзья сожгли в этой стране¹, были выстроены заново, и лучшие из нас снова находятся в заточении. Средние века начинаются через границу², и наше молчание их усиливает.

Необходимо прекратить рассматривать эту ситуацию в сентиментальной манере и больше не позволять левым интеллектуалам дурачиться по её поводу. Это исключительно вопрос силы.

Мы призываем революционные пролетарские партии организовать вооружённую интервенцию с целью поддержки новой революции, предвестия которой мы видели недавно в Барселоне, революции, которая на этот раз не будет сбита с пути к её целям.

От лица Леттристского интернационала:

П.-Ж. Берле, Буль-Д. Бро, Хадж Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Гаэтан М. Лангле³, Жан-Мишель Менсьон, Жиль Ж. Вольман

Покончить с нигилистским комфортом

Мы знаем, что все новые реалии являются по своей сути временными и всегда слишком ничтожными, чтобы быть для нас достаточными. Мы защищаем их, поскольку не знаем лучшего занятия и потому что это, в сущности, наше ремесло.

Но нам не позволено безразличие перед лицом удушающих ценностей нашего времени, когда они гарантированы Обществом тюрем и когда мы живём у ворот тюрьмы.

Во что бы то ни стало мы не хотим участвовать, не хотим быть согласными на то, чтобы нас затыкали, не хотим соглашаться.

Это лишь из гордости – для нас омерзительно быть похожими на слишком многих.

Красное вино и отрицание в кафе, первые истины отчаяния не станут кульминацией этих жизней, которые столь сложно защищать от ловушек молчания, от сотен способов РАСПОЛАГАТЬСЯ ПО ПОРЯДКУ.

За пределами этого всегда ощущавшегося недостатка и неизбежной, непростительной утраты всего, что мы любили, игра всё ещё разыгрывается, мы существуем. Таким образом, любая форма пропаганды будет хороша.

Мы должны способствовать восстанию, которое затронет нас в меру наших притязаний.

Нам предстоит утвердить конкретную идею счастья, даже если мы знали о её неудачах, идею, на которую должны равняться все революционные программы¹.

Ответы Леттристского интернационала на два вопроса бельгийской сюрреалистической группы

Какой смысл вы вкладываете в слово «поэзия»?

Поэзия утратила последние остатки своего формального престижа. За пределами банальной эстетики она целиком заключается в способности людей к приключениям. Поэзия читается на лицах. Значит, надо срочно создавать новые лица. Поэзия приняла форму городов. Значит, мы построим их волнующими. Новая красота будет СИТУАЦИЕЙ – то есть *мимолётной* и проживаемой.

Последние художественные эксперименты интересны нам лишь в свете того *влияния*, которое они могут оказать. Для нас поэзия является не чем иным, как средством разработки абсолютно новых моделей поведения¹ и придания им должной страсти.

Леттристский интернационал (Мохамед Даху, Анри де Беарн¹, Ги-Эрнест Дебор, Жиль Ивен², Гаэтан М. Лангле, Жиль Ж. Вольман)

Озаряет ли мысль нас и наши действия с тем же равнодушием, что и солнце, или какова наша надежда и в чём её достоинство?

Равнодушие создало этот мир, но не может жить в нём. Мысль является ценной лишь в той мере, в которой она обнаруживает и навязывает новые требования.

Те революционные студенты, которые выходили в бедной одежде на демонстрации в Кантоне в 1927 году, в следующем году умирали в топках локомотивов³. Тут заканчиваются праздники мысли. Если мы и сохраняем некоторое довольство интеллектом, который за нами обычно признают, то это лишь благодаря средствам, которые он может предоставить на службу экстремизма, выбранного нами без лишних дискуссий.

Самое время установить новые условия для человека. Экономические препятствия и их моральные следствия в любом случае будут вскоре и по всеобщему согласию уничтожены. Проблемы, которым мы ещё вынуждены придавать некоторое значение, будут полностью преодолены вместе с сегодняшними противоречиями, поскольку старые мифы определяют нас лишь до того момента, когда их в нашей жизни заменяют более жестокие.

Должна создаться новая цивилизация, в которой все формы деятельности будут постоянно стремиться к чувственному потрясению жизни.

Мы знаем первые решения *проблемы досуга*, о которой уже начали говорить (несмотря на то, что массы лишь недавно были освобождены от безостановочной работы⁴) и которая завтра станет единственной проблемой.

Великая грядущая цивилизация будет *создавать ситуации и приключения*. Наука жизни возможна. Авантюрист – не тот, с кем случаются приключения, но тот, кто делает так, чтобы они с ним случились. Сознательное использование *обстановки* обуславливает постоянно обновляющееся поведение. Сократится роль мелких случайностей, зовущихся судьбой. Архитектура, урбанизм и влияющие на эмоции пластические выражения (базовые основы которых уже нам известны) должны совместно служить этой единой цели.

¹ Преданность прежним моделям поведения неизменно является полицейской. По этой причине мы исключили Берна и Бро.

Практика смены обстановки и выбор встреч, чувство незавершённости и мимолётности, любовь к скорости, воплощённая с точки зрения разума, изобретение и забвение находятся в числе компонентов *этики дрейфа*, который мы уже начали практиковать среди убожества городов этой эпохи.

Продолжается развитие науки отношений и обстановок, называемой нами *психогеографией*. Она возвращает игровому сообществу его подлинный смысл: общество, основанное на игре⁵. Не существует ничего более серьёзного. Развлечения являются атрибутом королевской власти, который надлежит дать каждому.

Сен-Жюст говорил, что счастье – это новая идея в Европе⁶. Эта программа сейчас получила свой первый реальный шанс.

Высшие развлечения, обнаруженные Шарлем Фурье в свободной игре страстей, должны постоянно изобретаться заново. Мы будем работать над созданием новых желаний, и мы будем вести самую широкую пропаганду этих желаний.

Мы будем теми, кто привнесёт в социальную борьбу единственный истинный гнев. Революцию не делают, требуя 25216 франков в месяц. *Свою жизнь следует завоевывать* прямо сейчас, свою полностью материальную жизнь, в которой всё возможно:

Сколь высоки ни были бы наши надежды на силу и возможности духа, они всё же будут недостаточно высокими⁷.

Париж, 5 мая 1954

От лица Летристского интернационала:

Анри де Беарн, Андре Конор⁸, Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Жак Фийон⁹, Патрик Старам¹⁰, Жиль Ж. Вольман

Вода всех морей не смогла бы...

1 декабря Марсель М. (16 лет) предприняла попытку самоубийства со своим любовником. После того как их спасли, этот женатый и взрослый человек заявил, что участвовал в этом «против своей воли». Марсель предстанет перед судом по делам несовершеннолетних, которому предстоит определить её меру «моральной ответственности».

Во Франции несовершеннолетних отправляют в основном в религиозные тюрьмы. Вот так проходит их молодость.

5 февраля восемнадцать анархистов, пытавшихся воссоздать НКТ¹, были осуждены за вооружённое восстание.

Франкистская солдатня надёжно стоит на страже омерзительной «западной цивилизации».

В апреле журналы опубликовали несколько необычайно живописных фотографий из Кении: повстанец «Генерал Чайна» слушает свой смертный приговор. Тридцать четыре звёздочки на кабине самолёта Королевских ВВС – по количеству подстреленных местных.

Убитые негры называли себя Мау-Мау.

1 июня в нелепой газетёнке “Le Figaro” Мориак пристыдил Франсуазу Саган² за то, что она не проповедует ни одну из тех великих французских ценностей, которые, например, связывают нас с марокканцами, – и это в то время, когда Империя погружается в дерьмо! (Разумеется, мы не потратим ни секунды на чтение романов этого жалкого 1954 года, но когда ты выглядишь как Мориак, разглагольствовать о восемнадцатилетней девушке просто неприлично.)

Последний номер неосюрреалистического – и ранее безобидного – журнала “Médium”³ превращён в провокацию: фашист Жорж Сулес⁴ упоминается в содержании под псевдонимом Раймон Абеллио, Жерар Легран⁵ выступает против североафриканских рабочих в Париже. Страх перед настоящими проблемами и самодовольство по поводу утративших силу интеллектуальных установок объединяют профессионалов писанины, претендующей на то, чтобы быть поучительной или, подобно Камю, мятежной.

Чего действительно не хватает этим господам, так это Террора.

Ги-Эрнест Дебор

Заставим их проглотить свою жвачку

Фостер Даллес¹ опять призывает вас к оружию: правительство Гватемалы экспроприировало имущество United Fruit Company – корпорации, с 1944 года эксплуатировавшей каучук и народ этого государства для производства столь необходимой жевательной резинки.

Бог антикоммунистической армии выразился следующим образом: «Чтобы победить эти силы зла, мы должны прибегнуть к мирным и коллективным действиям». Эти действия разворачиваются на наших глазах: сделанное в США оружие уже доставлено реакционерам из Гондураса и Никарагуа; заговоры спонсируются огромными суммами в долларах; Америка вновь отправляется в крестовый поход.

В мельчайших подробностях воспроизводятся методы, которыми была уничтожена республиканская Испания.

Студенческая манифестация под танковым огнём в Боготе и революционное движение в Гватемале представляются единственными шансами на свободу на этом континенте. Правительство Хакобо Арбенса Гусмана² должно вооружить рабочих. На экономические санкции, на военные атаки империализма необходимо отвечать гражданской войной в порабощённых странах Центральной Америки и набором добровольцев в Европе.

Париж, 16 июня 1954

От лица Летристского интернационала:

Андре-Франк Конор, Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Жак Фийон, Патрик Страрам, Жиль Ж. Вольман

Упражнение в психогеографии

Пиранези психогеографичен в лестницах¹.
Клод Лоррен психогеографичен в слиянии окрестностей дворца и моря².
Почтальон Шеваль психогеографичен в архитектуре³.
Артюр Краван психогеографичен в быстром дрейфе⁴.
Жак Ваше психогеографичен в обмундировании⁵.
Людвиг II Баварский психогеографичен в монархии⁶.
Джек-Потрошитель, следует полагать, психогеографичен в любви⁷.
Сен-Жюст отчасти психогеографичен в политике²⁸.
Андре Бретон наивно психогеографичен во встречах⁹.
Мадлен Рейнери психогеографична в самоубийстве³¹⁰.
И Пьер Мабиль – в собирании чудес¹¹, и Эварист Галуа – в математике¹², и Эдгар По – в пейзаже¹³, и Вилье де Лиль-Адан¹⁴ – в страдании.

Ги-Эрнест Дебор

² Террор дезориентирует.

³ См. «Завывания в честь де Сада».

Вон за дверь

Леттристский интернационал продолжает начатую в декабре 1952 года ликвидацию «старой гвардии».

Некоторые исключённые:

Исидор Голдштейн, известный как Жан-Исидор Изу

Моисей Бисмут, известный как Морис Леметр¹

Померанец, известный как Габриель Померан²

Серж Берна

Менсьон

Жан-Луи Бро

Лангле

Иван Щеглов, известный как Жиль Ивен

Некоторые причины:

Человек в целом ретроградный, с ограниченными амбициями

Продолжающийся инфантилизм, преждевременная старость, хороший апостол

Фальсификатор, ничтожество³

Отсутствие строгости ума

Просто декорация

Милитаристские отклонения

Глупость

Мифомания, бред толкования, отсутствие революционной сознательности

Минимум жизни

Снова и снова нужно повторять, что современные притязания профсоюзного движения обречены на провал; и даже не из-за разобщённости и зависимого положения этих пользующихся признанием организаций, а из-за убогости их программ.

Снова и снова надо повторять эксплуатируемым рабочим, что на кону – их единственные, незаменимые жизни, за которые ещё всё можно успеть; что их лучшие годы уходят, а они так и не знают радости и даже не пытаются сопротивляться.

Необходимо требовать не повышения «прожиточного минимума», а чтобы толпу прекратили держать на минимуме жизни. Недостаточно просить хлеба – пусть дают игры.

В прошлом году Комиссия по коллективным договорам подготовила документ об «экономическом положении простого чернорабочего»¹ (положении, которое является гнусным оскорблением всего, что ещё можно было ожидать от человека), в котором всё, что касается свободного времени – и культуры, – ограничено одним детективным романом из «Чёрной серии»² в месяц.

И ни шага в сторону.

Мало того, для текущего строя эти детективные романы, как и Пресса, и Заокеанское кино – лишь продолжение его собственных тюрем, в которых уже не за что биться, но и нечего терять, кроме цепей.

А жизнь нужно *завоёвывать* снаружи.

Нужно ставить вопрос не о подъёме зарплат, а об улучшении тех условий, в которые в западном обществе поместили простых людей.

Нужно отказаться от борьбы внутри этой системы, борьбы за мелкие уступки, которые не будут исполняться или будут тут же отыграны капитализмом на другом поле. Главный вопрос – в дальнейшем воспроизводстве этой системы или её разрушении, и его надо ставить ребром.

Говорить нужно не о возможных соглашениях, а о недопустимых фактах реальности: спросите алжирских рабочих с государственных заводов “Renault”, где их досуг, их страна, их достоинство, их жёны? Спросите, какая надежда может быть у них? Социальную борьбу должна вести не бюрократия, но страсть. Чтобы оценить чудовищные последствия деятельности профсоюзов, достаточно проанализировать стихийные забастовки августа 1953 года; решение рядовых членов; саботаж главных жёлтых профсоюзов³; пассивность Всеобщей конфедерации труда, которая не смогла ни организовать всеобщую стачку, ни направить события в победоносное русло. В то же время нужно ясно видеть факты, способные разжечь дискуссию: тот факт, например, что по всему миру есть наши друзья, и мы узнаём себя в их битвах. И тот факт, что жизнь проходит, и нам не надо никаких компенсаций, кроме тех, которые мы придумаем и создадим сами.

Дело лишь за отвагой.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель И. Бернштейн⁴, Андре-Франк Конор, Мохамед Даху, Г.-Э. Дебор, Жак Фийон, Жиль Ж. Вольман

Корни небоскрёба

В эту эпоху, все области которой всё более и более помещаются под знак репрессии, существует исключительно омерзительный человек, гораздо больший мент, чем в среднем. Он строит ячейки жилых единиц¹, он строит столицу для непальцев, он строит вертикальные гетто, активно используемые современностью морги и *церкви*.

Протестантский модуль², Корбюзье-Синг-Синг³, пачкун нео-кубической мазни, запустил «*машину для жилья*»⁴ во имя ещё большей славы Господа, творящего по своему образу всякую пададь и всякое корбюзье.

Невозможно забыть, что современный урбанизм никогда не был искусством, и ещё меньше он был жизненной средой, наоборот, он всегда был вдохновлён полицейскими директивами, и что в конце концов Осман создал нам свои бульвары лишь для удобства продвижения артиллерии⁵.

Но сегодня, когда тюрьма стала образцом жилища и христианская мораль беспрпятственно торжествует, стали замечать, что Ле Корбюзье стремится *уничтожить улицу*. Потому что он кичится этим. Вот его программа: окончательно разделить жизнь на закрытые островки, на находящиеся под наблюдением компании; покончить со всякой возможностью восстаний и встреч; установить автоматическую покорность. (Отметим мимоходом, что существование автомобилей приносит пользу всем, за исключением, конечно, некоторых «экономически слабых»: недавно скончавшийся префект полиции, незабываемый Байло⁶, после последнего парада выпускников также заявил, что уличные манифестации в наши дни несовместимы с требованиями трафика. И каждое 14 июля⁷ нам это подтверждает.)

С Ле Корбюзье игры и познания, которые мы вправе ожидать от действительно потрясающей архитектуры – ежедневная перемена обстановки – приносятся в жертву ради мусоропроводов, которые никогда не будут использованы для утилизации предписанной законом Библии, уже размещённой в отелях США.

Необходимо быть полным глупцом, чтобы видеть в этом современную архитектуру. Это лишь возврат сил плохо погребённого старого христианского мира. В начале прошлого века лионский мистик Пьер-Симон Балланш в «Городе искуплений»⁸ (описания которого предвосхищают «лучезарные города»⁹) уже выразил этот идеал существования:

«Город Искуплений должен быть живым отображением монотонного и унылого закона человеческих несчастий, несокрушимого закона общественных потребностей: необходимо атаковать в лоб все привычки, даже самые невинные; необходимо, чтобы всё непрерывно предупреждало, что ничто не постоянно, и что жизнь человека – это путешествие в землю изгнания».

Но на наш взгляд земные путешествия не являются ни монотонными, ни унылыми; законы общества не являются несокрушимыми; привычки, которые необходимо атаковать в лоб, должны уступить место непрерывному обновлению чудес; и главное удобство, которое мы ожидаем, это уничтожение идей этого порядка и стукачей, которые его пропагандируют.

Что мсье Ле Корбюзье подозревает о *потребностях* – людей?

Соборы больше не белые¹⁰. И мы этому рады. «Солнечное освещение» и место под солнцем, эта музыка известна – органы и барабаны MRP¹¹ – и небесные пастбища, на которых будут пастись покойные архитекторы. Готово, эту тушу можно разделять¹².

Леттристский интернационал

«...новая идея в Европе»

Праздность является истинно революционным вопросом. В скором времени экономические препятствия и их моральные следствия неизбежно будут уничтожены и преодолены. Организация досуга (организация свободы множества людей, *несколько реже* загоняемых на бесконечную работу) является насущной необходимостью и для капиталистических государств, и для их марксистских преемников. Однако повсеместно она оказывается ограничена принудительной дебилизацией вроде походов на стадионы или просмотра телевизионных программ.

По этой причине мы прежде всего должны осудить аморальные условия, наложенные на нас, – состояние бедности.

Потратив несколько лет на *ничегонеделание*, в общепринятом смысле этого слова, мы можем с полным правом назвать себя авангардом общества, поскольку в обществе, всё ещё временно базирующемся на производстве, мы стремились посвятить себя исключительно праздности.

Если этот вопрос не будет открыто поставлен раньше, чем нынешняя система экономической эксплуатации потерпит крах, то все революционные изменения окажутся просто посмешищем. Новое общество, копирующее цели старого, не осознавшее и не установившее новое желание – вот уж воистину утопическое течение в социализме.

Лишь одна задача кажется нам заслуживающей внимания: разработка совместных развлечений.

Авантюрист – не тот, с кем случаются приключения, но тот, кто делает так, чтобы они с ним случились¹.

Создание ситуаций будет непрерывной реализацией большой игры, свободно выбранной игроками: переход из одного окружения в другое, от одного конфликта к другому, и персонажи трагедии умирают за 24 часа. Но в жизненном времени больше не будет недостатка.

В подобном синтезе соединятся критика поведения, вдохновляющая планировка города, техники окружений и отношений; мы знаем основные принципы.

Необходимо постоянно заново изобретать высшие развлечения, те, что Шарль Фурье назвал свободной игрой страстей.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель И. Бернштейн, Андре-Франк Конор, Мохамед Даху, Ги-Эрнест Дебор, Жак Фийон, Вера², Жиль Ж. Вольман

Итог 1954 года

Большие города наиболее благоприятны для развлечения, которое мы называем *дрейфом*. *Дрейф* это техника бесцельного движения, основывающегося на притягательности обстановок.

Все дома прекрасны. Архитектура должна стать *страстной*. Мы не можем принимать во внимание затеи по постройке чего-то более узкоспециализированного.

Новый урбанизм неотделим от экономических и социальных восстаний, которые, к счастью, неизбежны. Можно думать, что революционные притязания эпохи являются функцией идеи о счастье, присущей этой эпохе. Таким образом, использование *досуга* больше не пустяк.

Мы напоминаем, что это означает изобретение новых игр.

Г.-Э. Дебор, Жак Фийон

Четвертьфинал

Для поддержания гнетущей повседневной реальности в известном нам виде буржуазия использует две-три индустрии отвлечения, полезные для системы. Вестерны, скаутское движение и экзотические репортажи рекрутируют в одни и те же Экспедиционные корпуса.

Сверх этих обычных потребительских отвлечений обманщики первой величины производят со штампом индивидуальности работы мастера путаницу в умах для просвещённых элит. Лучшие из них, несомненно, принадлежат истории их «цивилизации», если они идеально отождествляются с тем моментом, который берутся защищать.

Можно говорить о своеобразном межполицейском чемпионате.

После многих попыток Главный Труд Мальро, Мальро-l'Express, преуспевший в сравнении Сен-Жюста с Магометом шесть раз на двадцати одной странице, должен был надёжно гарантировать ему титул мамлюка XX века.

Но Мальро спёкся. На этот раз выиграл Кокто¹.

От лица Леттристского интернационала:

Мишель Бернштейн, Даху, Дебор, Жиль Ж. Вольман

Архитектура и игра

В книге «Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры» Йохан Хейзинга выдвигает идею, что «культура в её изначальных фазах имеет характер игры, осуществляется в формах игры и проникнута её настроением»¹. Скрытый идеализм автора и узкосоциологический подход к анализу высших игровых форм не умаляют, тем не менее, ценности того, что эта работа является первым вкладом в решение этого вопроса. В то же время глупо искать в нашей теории архитектуры или дрейфа иную движущую силу, нежели страсть к игре.

И пока спектакль, захвативший почти всё, происходящее в мире, продолжает вызывать у нас гнев и отвращение, мы всё больше привыкаем относиться с насмешкой ко всему вокруг. Но записать нас по этой причине в сатирики могут только очень наивные люди. Жизнь вокруг устроена так, что подчинена бессмысленным нуждам, но бессознательно стремится удовлетворить свои истинные потребности.

Эти потребности, их неполное воплощение и неполное осознание, повсеместно подтверждают наши гипотезы. Например, совсем не случайно то, что бар, находящийся на границе одной из наиболее значительных парижских областей единства обстановки (район между улицами Муфтар, Турнефор и Ломон), носит название «На краю света». События для нас случайны лишь до тех пор, пока мы не поняли общих законов, управляющих той или иной сферой. Необходимо стремиться выявить всё большее число определяющих ситуацию элементов, лежащих за рамками сугубо утилитарных мотивов, которые в будущем непременно утратят свою власть.

То, что нам под силу сделать с архитектурой, тесно связано с тем, чего мы хотели бы от собственной жизни. Интересные приключения могут происходить только на фоне интересных кварталов, и исключительно ими и порождаются. А представление об интересных кварталах скоро изменится.

Уже сейчас можно почувствовать атмосферу некоторых особо унылых областей, в которые текущий строй загнал массы трудящихся – прекрасно поддающихся дрейфу, но решительно непригодных для жизни. Сам Ле Корбюзье в книге «Урбанизм – это ключ» признаёт, что если принять во внимание тот беспорядочный и жалкий индивидуализм, которому подчинена застройка в странах с передовой промышленностью, «...отсталость может стать следствием *излишеств* точно так же, как и *нищеты*». Это замечание может само собой обернуться против нео-средневекового пропагандиста «вертикальной общины».

Весьма разные люди, действуя, вероятно, схожим образом, наметили ряд нарочно сбивающих с толку подходов к архитектуре: от замков Людвига Баварского до того дома в Ганновере, который Курт Швиттерс², судя по всему, пронзил тоннелями и заполнил лесом колонн из соединённых вместе предметов³. Во всех этих строениях проявился дух барокко, который можно заметить в любых попытках объединённого искусства и который будет в полной мере определять их в дальнейшем. В этом плане показательна связь Людвига Баварского и Вагнера, который и сам, вероятно, добивался эстетического синтеза, правда, самым нудным и в конечном счёте самым тщетным способом.

Следует заявить прямо, что если те архитектурные решения, которые мы склонны считать ценными, и сближаются в чём-то с наивным искусством, мы ценим их совсем по другой причине, а именно – как материальное воплощение будущих, ещё не разработанных сил нового вида деятельности, почти недостижимого для разных «авангардов» по экономическим причинам. В том, как большинству форм наивной выразительности нелепым образом подыскивают рыночную стоимость, невозможно не разглядеть проявлений глубоко реакционного мышле-

ния, сродни социальному патернализму. Мы убеждены как никогда, что человек, заслуживающий хоть каплю уважения, должен был найти, как на всё это ответить.

Хоть мы пока что и довольствуемся лишь использованием случайностей и возможностей урбанизма, но продолжаем видеть своей целью активное и насколько возможно широкое участие в их действительном создании.

Если преходящую, вольную среду игрового действия Хёйзинга считает возможным как-то противопоставить «обыденной жизни», определяемой через чувство долга, то мы-то знаем, что эта среда и есть единственное поле (журльнически ограниченное претендующими на вечность табу), где только и возможна настоящая жизнь⁴. Предпочитаемые нами модели поведения уже начинают определять все условия, необходимые для их полноценного развития. Теперь главное сделать так, чтобы правила игры строились не на случайно возникших условиях, а на этическом основании.

Ги-Эрнест Дебор

Почему леттризм?

1.

Текущие послевоенные годы должны войти в историю Европы как период тотального краха стремлений к переменам, как в плане ощущений, так и в политическом плане.

В то время как поразительные технические изобретения расширяют возможности будущего созидания и увеличивают опасность, которую несут ещё не устранённые противоречия, в общественной борьбе наблюдается явный застой, а в интеллектуальной сфере – тотальная реакция против новаторского движения, достигшего расцвета примерно в 1930 году и сочетавшего самые широкие требования с осознанием истинных способов их реализации.

На практике эти революционные методы вызвали разочарование в период от прихода фашистов к власти до Второй мировой войны, так что крушение связанных с ними надежд было неизбежным.

После неполного освобождения в 1944 году повсюду в интеллектуальных и творческих кругах бушует реакция: абстрактная живопись, простой этап в развитии современного изобразительного искусства, занимающий в этом процессе весьма жалкое место, вдруг объявляется по всем рекламным каналам основой новой эстетики. Александрийскому стиху¹ прочат непреходящее возрождение в пролетарском искусстве, когда пролетариату он нужен в культуре не больше, чем квадриги и триремы в транспортном секторе. Литературные отходы, которые лет двадцать назад наделали много шума и которые никто не читал, обретают недолгую, но звучную славу: поэзия Превера и Шара, проза Жюльена Грака, театр этого непроходимого олуха Пишетта и иже с ними². Кинематограф, всевозможные нелепые приёмы режиссуры которого уже затёрты до дыр, единодушно связывает своё будущее с этим плагиатором Де Сика³; видят что-то новое – вероятно, как в экзотике, – и в некоторых итальянских фильмах, в которых нищета определила манеру съёмки, хоть и отличную от голливудской, но всё ещё слишком далёкую от С. М. Эйзенштейна. К тому же мы знаем, какому нелёгкому труду по перестройке феноменологии посвящают себя профессора⁴, которые, кстати, в подвалах не танцуют⁵.

И только одна группа всегда относилась с презрением к этому затхлому, но прибыльному базару, где на каждого начётчика найдутся ученики, на всякий регресс – свои поклонники, на всякий *ремейк* – свои фанаты, и держалась в абсолютной оппозиции к нему во имя исторически неизбежного преодоления всех этих старых ценностей. Своеобразный оптимизм изобретательства занял место отрицания и следующего за этим отрицанием утверждения. За этой группой стоит признать ту спасительную роль, которую в иную эпоху принял на себя Дада, при всей несхожести их задач. Возможно, нам скажут, что воскрешать дадаизм – не слишком умная затея. Но речь и не идёт о том, чтобы заново создавать дадаизм. То, что революционная политика серьёзно откатилась назад, с чем связан и оглушительный провал навязанной теми же ретроградными веяниями пролетарской эстетики, привело к интеллектуальному хаосу во всех областях, за которые тридцать лет назад шли такие ожесточённые бои. В сфере духа по-прежнему властвует мелкая буржуазия. Её монополия после нескольких громких кризисов расширилась ещё сильнее: всё, что печатается сегодня в мире – будь это капиталистическая литература, соцреализм, формалистский псевдоавангард, эксплуатирующий давно ставшие всеобщим достоянием формы, или лживые теософские агонии ещё недавно бывших освободительными движений – насквозь проникнуто мелкобуржуазным духом. Давно пора было покончить с ним под давлением реалий эпохи. И для этой цели все средства хороши.

Неслыханные провокации, которые устроила или всего лишь готовила группа леттристов (поэзия, редуцированная до букв, метаграфические тексты⁶, кино без изображений), вскрывали смертельное вырождение искусств.

Так что мы без колебаний присоединились к ней.

2.

К 1950-м годам группа леттристов, проявляя достойную уважения нетерпимость к внешнему миру, в среде своих членов допустила достаточно серьёзный разброд идей.

Сама звуковая поэзия, родившаяся в футуризме и доведённая позже Куртом Швиттерсом и другими до определённого совершенства, имеет значение лишь с точки зрения абсолютной систематизации, которую она представляла в качестве единственной на настоящий момент поэзии, тем самым обрекая все прочие формы на смерть, да и себя – на короткую жизнь. Но вместе с тем осознанию роли, которую нам было отведено сыграть, многие предпочли наивную веру в концепцию гения и личную славу.

Таким образом, большинство членов группировки стало считать, что в создании новых форм есть некая величайшая ценность, превосходящая даже все прочие виды человеческой деятельности. Такая вера в формальное развитие, не имеющее ни причин, ни целей за пределами самого себя, и есть основа буржуазно-идеалистической позиции в искусстве. (Их идиотская вера в непреложные концептуальные категории, скорее всего, приведёт кого-нибудь из недавно исключённых членов к американизированному мистицизму.) Особенность экспериментов прежних лет заключалась в стремлении строго придерживаться заданных условий, и следствием, какое глупцы вроде Мальро не могут или не смеют вывести из, по сути, очень схожих посылок, стало полное разрушение этого формалистского начинания, когда оно достигло высшей точки; ускоренная, стремительная эволюция, обернувшаяся в конечном счёте ничем, поскольку происходила в полном отрыве от всех человеческих потребностей.

Целесообразность разрушения формализма внутри неоспорима: нет никакого сомнения в том, что в какой бы взаимосвязи с остальным движением общества не находились интеллектуальные дисциплины, они, как и любые иные техники, подвержены относительно независимым переменам и открытиям, неизбежным в силу их собственных внутренних мотивов. Оценивать всё на основании его содержания, как нас это побуждает, значит вернуться к оценке действий по их намерениям. Совершенно ясно, что для того чтобы объяснить, почему разные периоды эстетики были основополагающими или обладали длительным очарованием, нужно углубиться в анализ их содержания (и по мере того как под давлением новых обстоятельств иное содержание начинает находить отклик в нас, происходит переназначение «великих эпох»), но также ясно и то, что возможности творчества в современный ему момент будут зависеть не от одного лишь содержания. Этот процесс можно сравнить с модой. Если смотреть с дистанции в полвека и больше, то все костюмы принадлежат к одинаково устаревшим стилям, хотя их внешний вид может восприниматься сегодня по-разному. Но при этом абсолютно все чувствуют нелепость женского костюма десятилетней давности.

Так, столь долго скрываемое книжными выдумками о XVII веке «прециозное» направление⁷, хоть созданные им формы выразительности и кажутся нам предельно чуждыми, вот-вот будет признано главным течением в мысли «Великого века»⁸, потому что ощущаемая нами сегодня потребность созидательной перестройки всех сфер жизни обнаруживает огромный вклад Прециозности в изменение окружающей обстановки и моделей поведения (разговор и прогулка как особые занятия; в архитектуре – дифференциация жилых помещений, изменение принципов убранства и мебелировки). Напротив, когда Роже Вайян пишет роман «Бомаск»⁹ стэндалевским тоном, несмотря на довольно сносное содержание он оставляет за книгой лишь

одну возможность нравиться – в качестве добротной стилизации. Можно сказать, что, разумеется, вопреки собственному желанию он обращается главным образом к интеллектуалам со старомодными вкусами. И большая часть критики – это нелепые нападки на содержание, называемое неправдоподобным, одновременно с похвалой мастерству прозаика.

Вернёмся к историческому анекдоту.

3.

Из этого основополагающего противостояния, являющегося в конечном счёте столкновением довольно нового способа управления собственной жизнью и древней привычки к отчуждению жизни, и следуют всевозможные противоречия, временно сглаженные во имя основной деятельности скорее развлекательного толка, которую, несмотря на всю её неловкость и недостаточность, мы сегодня склонны оценивать положительно.

Также из-за той иронии, с которой некоторые превозносили собственную ошеломительную уникальность – а некоторые и вполне серьёзно – вышли многие недоразумения: относясь с совершенным безразличием к увековечиванию наших репутаций в литературе или любой иной области, мы с гонором, достойным актёришек из претендующих на вечность кинолент, писали, что нашим произведениям – которые, можно сказать, и не существовали вовсе – уготовано место в истории. Все мы при любом удобном случае заявляли, что мы великолепны. Низкий уровень аргументации, которую мы слышали в киноклубах и других местах, просто не оставлял возможности отвечать всерьёз. Впрочем, это лишь усиливало наше обаяние. Кризис леттризма, который предвещало плохо скрытое противодействие экспериментам в кинематографе со стороны разных отсталых элементов, осуждавших «неумелую» жестокость этих экспериментов, хотя подобное суждение в первую очередь дискредитировало их самих, – этот кризис разразился в 1952 году, когда Леттристский интернационал, образующий радикальное крыло движения, находящееся в тени одноимённого бюллетеня, разбросал во время пресс-конференции Чаплина оскорбительные листовки¹⁰. Эстетствующие леттристы, коих с недавнего времени меньшинство, после произошедшего отмежевались от нас лишь из-за того, что им казался неоспоримым творческий вклад Чаплина в киноискусство – чем породили раскол, который их наивные извинения в дальнейшем не могли ни остановить, ни нивелировать. Остальные «революционно» настроенные осудили нас на тот момент ещё больше, потому что произведения и личность Чаплина, по их мнению, должны были остаться в списке прогрессивных явлений. Впоследствии многие расстались с этой иллюзией.

Изобличать устаревание доктрин и людей, связавших с ними своё имя, это самая необходимая и простая работа для всякого, кто не утратил интереса к решению занимательнейших вопросов, которые ставит перед нами современность. Что до самозванства нового потерянного поколения, заявившего о себе в период между последней войной и сегодняшним днём, то оно само по себе было обречено сдуться. И всё же, учитывая, что все эти фальсификации происходили на фоне полного отсутствия критической мысли, можно признать, что леттризм внёс свою лепту в их скорейшее исчезновение; и в том, что какой-нибудь Ионеско¹¹, воспроизводящий спустя тридцать лет, причём в двадцать раз глупее, некоторые из сценических крайностей Тцара¹², не получает сегодня и четверти того внимания, которое привлекала несколько лет назад эта растиражированная мумия Антонен Арто¹³, есть и заслуга леттристов.

4.

Обозначающие нас в эту эпоху слова накладывают на нас досадные ограничения. И правда, термин «леттристы» не слишком подходит тем, кто не возлагает никаких особых

надежд на этот тип шумовых эффектов и практически не пользуются им, не считая пары звуковых дорожек к фильмам. А слово «французский» – приписывает нам исключительную связь лишь с этой нацией и её колониями. Наш атеизм называют «христианским», «еврейским» или «мусульманским» с обезоруживающей лёгкостью. И наконец, не секрет, что все мы получили «буржуазное» образование разной степени изысканности, и если даже не в плане идей, то точно – в плане словарного запаса.

Так, многие из этих терминов сохранились несмотря на развитие наших исследований и деградацию (с последующим изгнанием) множества наших попутчиков: Летристский интернационал, метаграфии и прочие неологизмы, которые, как мы заметили, моментально приводят в бешенство совершенно разных людей. И главное, что нас объединяет, – это согласие в том, что таких людей нужно держать на – расстоянии.

Нам могут возразить, что подобное самовольное распространение путаницы среди интеллектуальной элиты с нашей стороны является неумным и невежливым – среди той самой элиты, отдельные представители которой часто приходят к нам с вопросом, «чего же конкретно мы всё-таки добиваемся», задаваемым в таком заинтересованно-покровительственным тоне, что этого индивида тут же выставляют за дверь. Но будучи уверенными, что ни один профессиональный литературовед или журналист в ближайшие годы не займётся *всерьёз* тем, что мы делаем, мы знаем, что от подобной путаницы ничего не теряем. И к тому же нам она просто нравится.

5.

Впрочем, учитывая, как скромны умственные способности и как невелик тот уровень культуры, которыми располагает сегодняшняя «интеллектуальная элита» Европы, проблема упомянутой выше путаницы уже не актуальна. Некоторые из тех, кто был в наших рядах ещё несколько лет назад, по-прежнему желающие привлечь к себе внимание или попросту жить писательским трудом, стали слишком глупы, чтобы водить за нос своё окружение. Они уныло повторяют одни и те же ходы, которые изнашиваются ещё быстрее, чем прежние. Они не понимают, как быстро устаревают методы обновления. Ради того чтобы появиться в «новых новых французских журналах»¹⁴, они готовы отречься от всего; эти шуты бесплатно приносят плоды своих потуг, потому как их писанина не стоит вообще ничего, и плачутся, что при разделе этого уже протухшего пирога их обделили *местом*, хотя бы как у Этьембля¹⁵, почтением, которое снискал даже Кайуа¹⁶, жалованием, как у Арона¹⁷.

Есть повод полагать, что их честолюбивые попытки завершатся идеей какой-нибудь иудео-пластической религии. И в итоге они станут, при хорошем раскладе, новыми Божественными Отцами¹⁸ или Мормонами¹⁹ эстетического творения²⁰.

Не будем останавливаться на тех, кто в своё время нас изрядно развлёк. Когда человек с головой уходит в какое-то развлечение – это явный показатель его посредственности: хоть бейсбол, хоть автоматическое письмо, зачем? Идея успеха, если она не ограничена рамками самых примитивных желаний, неотделима от глобальных перемен в масштабах всей Земли. А то, что остаётся после дозволенных побед, всегда очень похоже на полнейшее поражение. Мы и по сей день ценим в нашем действии в первую очередь то, что мы смогли избавиться от многих привычек и знакомств. Напрасно говорят, что редки те люди, которые устраивают свою жизнь – ту маленькую часть жизни, в которой у них ещё осталась хоть какая-то свобода выбора, в соответствии с собственными чувствами и суждениями. В каком-то смысле фанатиком быть хорошо. Один оккультно-востоковедческий журнал писал о нас в начале этого года, что мы – это «...самые затуманенные умы, теоретики, обескровленные вирусом “преодоления”, которое, правда, совершается у них исключительно на словах». Обеспокоенность этих убожеств

указывает на то, что оно совершается всё-таки не только на словах. Конечно, нас не схватят при попытке взорвать мост на остров Луи²¹ с целью подчеркнуть островной характер этого квартала, и не застукают на берегу напротив за совершенствованием кладки набережной Бернар. Потому что при тех малых средствах, которыми мы располагаем на данный момент, мы занимаемся лишь тем, что действительно не терпит отлагательств. Таким образом, запрещая различным свиньям сближаться с нами, делая так, чтобы все их попытки внесения путаницы в виде «общего действия» с нами заканчивались очень плохо, не допуская ни малейших поблажек, мы тем самым и доказываем упомянутым выше лицам безусловное существование того вируса. Но если мы и больны, то критики наши – мертвы.

Раз уж об этом зашла речь, лучше сразу оговорить ту позицию, которую отдельные наименее омерзительные личности часто ставят нам в упрёк: исключение довольно большого числа участников Леттристского интернационала и то, что подобные санкции приняли вполне регулярный характер.

В действительности наше положение обязывает нас занять определённую позицию в отношении почти всех аспектов существования, которые того требуют, и потому мы выше всего ценим согласие с теми немногими людьми, кто полностью поддерживает наши позиции, как и конкретные направления исследований. Все прочие проявления дружбы, светского общения и даже простых законов вежливости нам безразличны или отвратительны. Если такой приверженности нет, то не остаётся никакой возможности избежать полного разрыва отношений. Лучше отказаться от друзей, чем от взглядов.

В конечном счёте такое решение соответствует их способу существования. Те сомнительные связи, в которые оказалось вовлечено или к которым вернулось большинство исключённых, те бесчестные (а иногда и предельно бесчестные) обязательства, под которыми оно подписалось, демонстрируют глубину того противоречия между нашими позициями, которое мы разом решили; а возможно, и то, как драгоценно единство наших позиций.

Мы вовсе не отрицаем, что превращаем личные конфликты во вражду, и даже, напротив, заявляем, что представления о человеческих отношениях, которые мы разделяем, обязывают нас так реагировать на личные конфликты, порождённые идейными расхождениями, но при этом непримиримые. Те, кто сдаётся, сами выносят себе приговор: нам не на что сердиться и не за что извиняться.

Леттризм насчитывает уже немало ушедших. Но несравнимо большее количество живых существ живут и умирают по всему миру, даже не столкнувшись с возможностью понять его и применить. В этом смысле каждый полностью ответствен за те таланты, которыми мог бы обладать. Так должны ли мы из сентиментальных соображений примиряться с теми, кто столь малодушно захотел на покой?

6.

На основании всего вышесказанного следует уяснить, что наше дело – это не литературная школа, не обновление выразительности, не модернизм. Это способ жизни, которому предстоит ещё много исследований и промежуточных выводов, но и сам он существует скорее только как промежуточный этап. Суть нашей задачи предписывает нам действовать коллективно, проявляя себя лишь изредка: мы ждём прихода многих людей и событий. Но наша сила также и в том, что мы ничего не ждём от массы уже знакомых действий, личностей, учреждений.

Нам нужно многому научиться, в том числе экспериментируя, по мере возможного, и в сфере архитектурных форм, и в сфере норм поведения. Но меньше всего мы стремимся наспех состряпать какое-нибудь учение: мы и близко не объяснили себе всего того, что необходимо,

чтобы составить стройную систему на основе тех нововведений, которые кажутся нам достойными страсти.

Часто слышишь, как говорят – всё когда-то начиналось. А ещё говорят, что человечество ставит перед собой только разрешимые задачи.

Ги-Эрнест Дебор, Жиль Ж. Вольман

Введение в критику городской географии

Среди всего, чем нам волей или неволей приходится заниматься, отрывочные поиски нового образа жизни остаются единственным увлекательным занятием. Очевидно, при этом совершенно не вызывают интереса те эстетические и прочие дисциплины, чью неспособность служить этим целям так легко обнаружить. Значит необходимо наметить несколько новых областей для предварительных наблюдений. Одна из них – это наблюдение за рядом случайных и предсказуемых процессов на улицах города.

Само слово *психогеография*, предложенное неграмотным кабилем¹, чтобы назвать совокупность явлений, интересовавших некоторых из нас на протяжении лета 1953 года, оказалось не таким уж и плохим. Оно не выходит за пределы материалистического подхода к обуславливающим жизнь факторам и объективного по своей сути мышления. География, например, изучает влияние глобальных природных факторов, таких как состав почвы или климат, на экономическую формацию конкретного общества, а значит и на представления о мире, которые оно может выработать. *Психогеография* ставит себе целью изучение точных законов и конкретных воздействий географической среды, вне зависимости от того, были ли они организованы сознательно или нет, непосредственно влияющих на эмоции и поведение индивидуумов. Прилагательное *психогеографический*, несущее в себе некую приятную неоднозначность, может, таким образом, быть использовано для описания полученных в ходе подобных исследований данных, а также последствий упомянутых выше воздействий на человеческие чувства, и даже в более широком смысле – для любой ситуации и любого поведения, в которых проявляется такой же дух открытия.

Пустыня монотеистична, это можно было сказать уже давно. Будет ли тогда нелогичным, или попросту безынтесным, заявление, что район Парижа между площадью Контрэскарп и улицей Арбалет тяготеет скорее к атеизму, к забвению и к состоянию, когда привычные реакции путаются между собой?²

Утилитарность надлежит рассматривать в исторической перспективе. В основу плана по благоустройству города, принятого во Вторую империю³, легла потребность всюду иметь пустые участки: для быстрого перемещения войск и чтобы можно было стрелять из артиллерии по восставшим. Но со всех других точек зрения, кроме полицейской, Париж Османа – это город, построенный идиотом, буйный и шумный, безо всякого смысла. Главная проблема, стоящая сегодня перед урбанизмом, – это правильная организация движения стремительно растущего числа автомобилей. И почему бы не представить, что будущий урбанизм возьмёт курс на такое строительство, которое, оставаясь утилитарным, будет максимально учитывать возможности психогеографии.

В то же время нынешнее изобилие личного автотранспорта – не что иное, как результат, причём поистине удивительный, перманентной пропаганды капиталистического производства, убеждающей толпы в том, что обладание автомобилем – это именно привилегия в нашем обществе, специально для избранных его членов. (Прогресс здесь беспорядочно отрицает сам себя, зато можно насладиться спектаклем, как префект полиции голосом из анонса фильмов призывает парижан-автомобилистов пользоваться общественным транспортом.)

Раз уж мы встречаем здесь идею избранности, пусть и по столь незначительному поводу, и знаем, с каким слепым рвением огромное количество людей – вовсе и не привилегированных в реальности – бросаются на защиту своего скудного превосходства, приходится признать, что всё это происходит под влиянием идеи благополучия, принятой буржуазной средой и поддерживаемой индустрией рекламы, которая с равным успехом охватывает и эстетику Мальро, и

слоганы «Кока-Колы», и потому главная наша цель – всеми средствами создавать кризис этой идеи.

Первое из таких средств – это, несомненно, систематическое провоцирующее распространение огромного количества способов превратить жизнь в сплошную увлекательную игру и постоянное обесценивание уже существующих развлечений в той мере, в которой они являются непригодными для создания более интересных обстановок. Понятно, что в таком деле главная сложность – придать этим очевидно безумным предложениям достаточное количество *настоящего соблазна*. В достижении этой цели нам может помочь умелое использование средств коммуникации, популярных в наши дни. В то же время демонстративный отказ от их использования, как и манифестации с целью открыть глаза потребителям этих средств коммуникации, несомненно, без особых трудозатрат поддерживают атмосферу замешательства, крайне благоприятную для внедрения некоторых новых определений удовольствия.

Из идеи о том, что для создания изысканной эмоциональной ситуации необходимы лишь точное знание и неукоснительное соблюдение ряда конкретных механизмов, родилась не лишённая юмора «Психогеографическая игра недели», опубликованная в № 1 бюллетеня «Potlatch»⁴:

«Соответственно вашим предпочтениям, выберите страну, город с большей или меньшей плотностью населения, улицу, более или менее оживлённую. Постройте там дом. Обставьте его мебелью. Приведите в лучший вид убранство дома и его окрестности. Выберите время года и нужный час. Соберите самых достойных людей, прибавьте подходящие пластинки и алкоголь. Свет и разговоры, разумеется, должны соответствовать обстоятельствам, как и погода за окном и ваши воспоминания.

Если вы не допустили ошибок в расчётах, результат должен вас удовлетворить».

Нам нужно стараться наводнить рынок, пусть даже пока только интеллектуальный рынок, обилием желаний, превосходящих богатством не текущие способы воздействия человека на материальный мир, но старый общественный строй. Таким образом, нелишним с политической точки зрения будет публично противопоставлять эти желания тем первичным желаниям, которые – что и неудивительно – постоянно пережёвывает киноиндустрия и психологические романы, вроде тех, что пишет эта старая развалина Мориак. («В обществе, основанном на *нищете*, самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс», – объяснял Маркс бедняге Прудону⁵.)

Революционное преобразование мира во всех его аспектах докажет правоту представлений об изобилии.

Внезапная смена уличной атмосферы, с точностью до нескольких метров; очевидное деление города на чётко очерченные психоклиматические зоны; путь, на который выносит всякого праздно гуляющего, без какой-либо связи с неровностями ландшафта; притягивающее или отталкивающее влияние отдельных мест – всё это, похоже, остаётся сейчас без внимания. По крайней мере не воспринимается как нечто, чьи причины можно выявить посредством детального анализа и что можно использовать. Люди прекрасно знают, что есть тоскливые районы, а есть – приятные. Но, как правило, они убеждают себя, будто роскошные улицы вызывают чувство удовлетворения, а бедные – угнетают, и больше почти никаких нюансов не существует. На самом же деле многообразие возможных комбинаций обстановок, сравнимое с тем, как чистые химические элементы растворяются в бесконечном множестве смесей, способно вызывать настолько же разнообразные и сложные чувства, как и любая другая форма спектакля. И стоит появиться хоть одному разоблачительному исследованию, как станет ясно, что все количественные и качественные различия во влиянии любых элементов городской среды невозможно вывести из их эпохи или архитектурного стиля и уж тем более из жилищных условий.

Исследования местоположения элементов городской среды в тесной связи с вызываемыми ими ощущениями, к которым мы призываем, невозможны без выдвижения смелых гипотез

тез, которые следует постоянно уточнять в свете проводимых экспериментов средствами критики и самокритики.

Отдельные полотна Кирико⁶, несомненно, порождённые впечатлениями архитектурной природы, могут оказать и обратное воздействие на своё объективное основание, даже преобразовать его: они тяготеют к тому, чтобы теперь самим стать эскизами. Тревожные кварталы арок могут однажды продолжить и воплотить это завораживающее творение.

И кроме тех двух портов на закате кисти Клода Лоррена⁷, находящихся в Лувре и изображающих саму границу двух предельно не похожих друг на друга городских обстановок, я не знаю, что ещё может соперничать с красотой повсюду развешенной схемы парижского метро. Разумеется, говоря здесь о красоте, я имел в виду не пластическую красоту – новая красота может быть лишь красотой ситуаций, – а только особенно волнующее, в том или ином случае, выражение *суммы возможностей*.

Среди различных способов действия наименее сложным и уже готовым к применению представляется обновлённая картография.

Создание психогеографических карт и даже разных хитростей вроде знака равенства, хоть чуть-чуть обоснованно или полностью произвольно поставленного между двумя топографическими снимками, может помочь высветить варианты передвижения, быть может, и ничем не мотивированного, но зато совершенно *непокорного* привычным устремлениям. А устремления эти классифицируются как туризм, популярная зараза, такая же мерзкая, как занятия спортом или покупки в кредит.

Один друг сообщил мне недавно, что обошёл район Гарц в Германии, слепо следуя при этом карте Лондона. Такая игра – это, разумеется, лишь весьма посредственная проба пера по сравнению с полноценным созданием архитектуры и урбанизма, которое однажды станет делом рук каждого. Но пока день не настал, можно выделить много отдельных, более простых шагов для работы в этом направлении, начиная с банального переноса тех элементов городской среды, которые мы привыкли видеть в специально приспособленных под них местах.

Так, в предыдущем номере этого журнала Марьен предлагал, когда мировые ресурсы перестанут растрачиваться на навязанных нам бессмысленных производствах, собрать в кучу все конные статуи со всех городов мира и расставить их на одной пустынной равнине. Вот будет зрелище для случайных прохожих – а им принадлежит будущее, – конница идёт в фиктивную атаку; можно даже посвятить его памяти самых кровавых убийц в истории: от Тамерлана до Риджуэя⁸. Здесь видно, как вновь проступает одно из главных требований этого поколения: образовательная ценность.

На самом деле не нужно ждать ничего, за исключением осознания деятельными массами, в какие жизненные условия их поставили во всех возможных отношениях и какими практическими средствами это можно изменить.

«Воображение – это то, что имеет склонность становиться реальностью»⁹, – написал бы поэт, чьё имя, по причине его беспутного поведения в области духа, я уже забыл. Это утверждение невольно содержит основу для отграничения, а потому может служить пробным камнем, чтобы покончить с отдельными пародиями на революцию в литературе: то, что имеет склонность оставаться нереальным, – это – болтовня.

Жизнь, за которую мы в ответе, сталкивается не только с огромным количеством поводов для уныния, но и с бесконечным отвлечением внимания и с разной степени пошлости компенсациями. Не проходит и года, чтобы кто-то из тех, кого мы любим, не опустился, по причине своей неспособности ясно осознать сегодняшние возможности, до весьма заметной капитуляции. Но они не усиливают стан врага, насчитывающий уже миллионы слабоумных, – да и находясь в нём ты объективно обречён на слабоумие.

Главным нравственным пороком остаются побрякки в любых их формах.

Ги-Эрнест Дебор

Методика *détournement*

Всякий разумный человек в наше время знает очевидный факт, что искусство не может быть более названо ни высшей деятельностью, ни даже компенсирующей деятельностью, которой можно было бы посвятить себя с честью. Причиной этой деградации совершенно точно является развитие производительных сил, которое требует иных производственных отношений и новой жизненной практики. На этапе гражданской войны, в которую мы вовлечены, и в тесной взаимосвязи с направлением, которое мы разрабатываем для появления новых типов высшей деятельности, мы полагаем, что все известные средства самовыражения соединятся в единый стиль пропаганды, охватывающий все стороны социальной реальности в их непрерывном взаимодействии.

Существует несколько противоречащих друг другу мнений относительно форм и самой сущности просветительской пропаганды; мнений, в большинстве своём вдохновлённых одной из форм модной ныне политики реформизма. Достаточно сказать, что с нашей точки зрения предпосылки революции, как на культурном, так и на чисто политическом уровне, не просто созрели, но уже начали подгнивать. Речь идёт не только о возвращении в прошлое, которое является реакционным; даже «современные» культурные цели являются крайне реакционными, поскольку они зависят от идеологических формулировок старого общества, чья агония длится по сей день. Экстремальное новшество является единственной исторически оправданной тактикой.

Литературное и художественное наследие человечества должно быть использовано в партизанских пропагандистских целях. И речь идёт не о банальном провоцировании скандала. Поскольку отрицание буржуазной концепции гения и искусства уже порядком устарело, Мона Лиза с пририсованными усами¹ является не более интересной, чем оригинальная версия картины. Нам необходимо довести этот процесс до точки отрицания отрицания. Бертольд Брехт, рассказывающий в недавнем интервью еженедельнику “France-Observateur”, что он сделал купюры в ряде классических театральных постановок, чтобы усилить их воспитательный эффект, гораздо ближе, чем Дюшан, к тем революционным результатам, к которым мы призываем. Однако следует заметить, что в случае с Брехтом эти полезные изменения сильно ограничены его неуместным уважением к культуре, которое требует правящий класс, тем самым уважением, которому учат и газеты рабочих партий, и начальные школы буржуазии, и которое приводит к тому, что даже самые красные муниципалитеты рабочих пригородов Парижа предпочитают видеть на гастролях Народного национального театра пьесу «Сид», а не «Мамашу Кураж»².

Необходимо полностью уничтожить любые представления о частной собственности в этой области. Появление новых необходимостей отменяет любую значимость ранее «великих» работ. Они становятся препятствиями, опасными привычками. Вопрос не в том – нравятся они нам или нет. Мы должны их преодолеть.

Любые элементы, независимо от того, что является их источником, могут быть использованы для создания новых комбинаций. Открытия современной поэзии в области аналогичной структуры образов показывают, что при совмещении двух объектов, неважно, насколько сильно отстранённых от оригинального контекста, между ними обязательно формируется новая связь. Ограничиваться рамками самостоятельного расположения слов по порядку – не более чем условность. Слияние двух чувственных миров или объединение двух независимых выражений вытесняет оригинальные элементы и производит синтетическую организацию большей эффективности. Использовать можно всё что угодно.

Очевидно, что творец не ограничен лишь исправлением работы или сборкой разнообразных фрагментов устаревших работ в новое произведение; позволено также изменять значение этих фрагментов любым способом, оставляя идиотам рабское корпение над «цитированием».

Подобные методы часто использовались для достижения комического эффекта. Но такой юмор – результат противоречия, чьё существование заранее полагается неизменным. Поскольку мир литературы от нас также далёк, как и пещерный палеолит, подобные противоречия не кажутся нам смешными. Потому необходимо представить такой пародийно-серьёзный уровень, где накопление реверсированных элементов (далёкое от целей вызвать возмущение или смех ссылкой на оригинальные работы) выразит наше безразличие к бессмысленному и позабытому оригиналу и позволит выйти на более высокий уровень.

Лотреамон продвинулся настолько далеко в этом направлении, что он по сей день оканчивается частично не понят даже самыми преданными поклонниками. Несмотря на очевидное применение такого метода к языку теории в «Поэзиях», где Лотреамон, основываясь на максимах Паскаля и Вовенарга, стремится свести умозаключения путём непрерывной концентрации к единой максиме; некто Виру³ вызвал значительное удивление три или четыре года назад, окончательно доказав, что «Песни Мальдорора» являются одним большим *détournement*, основным главным образом на работах Бюффона⁴ и других исследованиях по природоведению. Тот факт, что авторы газеты “Le Figaro”, как и сам Виру, смогли увидеть в этом возможность принизить Лотреамона, и то, что другим казалось, что они должны защищать Лотреамона, восхваляя его дерзость, лишь свидетельствует о старческой немощи этих двух лагерей марзаматиков, находящихся между собой в придворной борьбе. Такой лозунг, как «плагиат необходим, прогресс требует плагиата»⁵, до сих пор не понят многими, как и известная фраза о том, что поэзия «должна твориться всеми»⁶.

Помимо творчества Лотреамона, чьё столь преждевременное появление позволило ему избежать по большей части заслуженной критики, тенденции *détournement*, которые можно распознать в современных выражениях, являются в основном бессознательными или случайными; лучшие образцы могут быть найдены скорее в рекламной индустрии, нежели в загнивающем искусстве.

Для начала мы можем выделить две основные категории реверсированных элементов, вне зависимости от того, сопровождалось ли соединение элементов внесением изменений в оригинал или нет. Это незначительный *détournement* и обманчивый *détournement*.

Незначительный *détournement* – это *détournement* элемента, который сам по себе не представляет ценности, и который потому черпает свои смыслы из нового контекста, в который он помещён. Например, вырезки из газет, банальная фраза или посредственная фотография.

Обманчивый *détournement*, также известный как *détournement* предыдущего предложения, наоборот, имеет в своём основании некоторый действительно значимый элемент, который меняет свой смысл под влиянием контекста. Например, лозунг Сент-Жюста или эпизод фильма Эйзенштейна.

Объёмные работы, созданные по такой методике, будут состоять по большей части из одной или более последовательностей незначительных и обманчивых *détournement*.

Теперь можно сформулировать несколько принципов использования *détournement*.

Элементом, реверсированным наиболее сильно, является тот, который наиболее ярко способствует общему впечатлению, а не те элементы, которые непосредственно определяют природу этого впечатления. Например, в метаграфии, посвящённой Гражданской войне в Испании, фразой с наиболее глубоким революционным смыслом является фрагмент рекламы губной помады: «Красивые губы – красные». В другой метаграфии («Смерть J. H.») 125 рекламных объявлений о продаже бара выражают самоубийство лучше, чем посвящённая ему газетная статья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.